
S . K .

ОСОБО КРУПНЫЙ

*Как гендиру подрядной фирмы
не уехать по 159-й*

документальные истории, стоящие за игрой

sk-co.com

S. K. Особо крупный

<https://litres.ru/74378523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как гендиру подрядной фирмы не уехать по 159-й. Документальные истории, стоящие за игрой «159.4».

Во вторник в ноябре директору строительной фирмы звонит следователь: пара вопросов, зайдите завтра к десяти с паспортом. К следующей осени он побывает свидетелем, подозреваемым и обвиняемым — не сделав ничего, чего не делает половина подрядчиков страны каждый год.

Это не про олигархов и не про политику. Это первый этаж: как устроена машина, превращающая обычную строительную компанию в уголовное дело. КС-2, подписанная «наперёд» по просьбе заказчика. Аванс, который становится «хищением», когда заказчик передумал. Субподрядчик, чьи грехи вы наследуете. Обыск на рассвете, убивающий фирму раньше приговора. СИЗО как инструмент переговоров. И три тихих выхода — сделка, суд, билет в один конец.

Внутри: подтверждённые случаи, калькуляция «сколько это длится и стоит», памятка «первые 24 часа» и глоссарий для жён и юристов.

Книга не является юридической консультацией и не заменяет защитника.

Содержание

ОТ АВТОРА · Несколько слов, прежде чем начнём	5
ПРОЛОГ · ЗВОНОК	7
ГЛАВА 1 · ЛЕСТНИЦА	10
До звонка	11
Кабинет	13
Из практики · Свидетель, который пришёл без адвоката	19
На практике	20
ГЛАВА 2 · СТАТЬЯ 159: РЕЗИНОВАЯ СТАТЬЯ	21
Из практики · Десять тысяч жалоб и одна буква закона	27
На практике	28
ГЛАВА 3 · ЛОВУШКА КС-2	29
Из практики · «Чугун тот же, ГОСТ поменялся»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

S. K.

Особо крупный

ОТ АВТОРА · Несколько слов, прежде чем начнём

Всё, что описано в этой книге, происходит с реальными людьми. Никто из них здесь не назван: имена, города и узнаваемые детали изменены, некоторые герои собраны из двух-трёх человек — в этой отрасли одна и та же история случается со многими, и если сшить троих в одного «Андрея», это защитит всех троих. Я провёл свою рабочую жизнь в российской стройке — на площадках, в конторах подрядчиков, за столом напротив заказчиков, банкиров и, не раз, людей в форме. Я был тем, кто смотрел с соседнего стола, и эта книга — попытка отдать долг тем, за кем я смотрел. Написана она для тех, кто внутри отрасли каждый день: для директора, учредителя, главного инженера, снабженца, для их жён и юристов. Это не юридическая консультация и не замена адвокату — это карта минного поля, составленная человеком, который видел, где подрываются. Юридические тонкости здесь намеренно упрощены до уровня, на котором их можно удержать в голове в момент, когда за дверью звонят;

за точными формулировками идите к защитнику — лучше сегодня, чем по повестке. Читать можно двумя способами. Подряд — тогда это история о том, как устроена машина. Или по оглавлению, с той главы, которая болит: в конце каждой главы стоит блок «На практике» — короткий список того, что можно сделать до повестки, а перед ним — «Из практики»: подтверждённый случай или норма, стоящие за главой. В конце книги — приложения: калькуляция, сводная памятка, первые сутки, глоссарий и адреса.

И последнее. Закон, по которому работает машина, движется: пороги ущерба переписали в 2024-м, Конституционный суд высказался о границе между неисполнением и хищением в июне 2026-го. Поэтому у книги есть дата — эта версия актуальна на август 2026 года — и есть страница, где я буду вносить поправки: sk-so.com/159. Если вы читаете это через два года, проверьте номера статей и пороги. Механика останется.

ПРОЛОГ · ЗВОНОК

Звонок всегда приходит в обычный день. Это первое, о чём никто не предупреждает. Андрею позвонили во вторник, в ноябре, в 15:40 — он как раз ругался с поставщиком из-за цены на арматуру. За окном вагончика шумела площадка: поворачивался кран, кто-то орал на бетононасос. На экране высветился городской номер — уже странно: с городских теперь не звонит никто моложе пятидесяти. «Андрей Николаевич?» Спокойный мужской голос, неторопливый — голос человека, в чьём дне не бывает неожиданностей. «Следователь Соколов, Следственный комитет. Есть несколько вопросов по вашей организации. Ничего серьёзного. Зайдите завтра к десяти. Паспорт возьмите». Гудки. Андрей стоял с телефоном в руке, а кран за окном всё поворачивался. Поставщик на второй линии всё ещё говорил про арматуру. И вот что я хочу, чтобы вы поняли с первой же страницы, потому что из этого вырастает всё остальное в книге: в эту минуту в мире Андрея не изменилось ничего — и изменилось всё. Не существовало никаких обвинений. Официально не существовало даже дела. Он не был подозреваемым. На языке системы его всего лишь пригласили побеседовать. Человеку, которому нечего скрывать, — прийти, ответить, вернуться домой. Так ведь? В стране, где прошла моя рабочая жизнь, расстояние между «несколько вопросов» и каме-

рой следственного изолятора короче, чем расстояние между подписанным контрактом и первым платежом по нему. Российские суды оправдывают меньше одного процента подсудимых. Не один процент виновных — один процент всех. Когда машина решает вписать твоё имя в дело в каком-то ином качестве, чем свидетель, вопрос больше не в том, признают ли тебя виновным. Вопрос в том, сколько это будет стоить — в годах, в деньгах, в семье — и какую часть исхода ты ещё способен рулить. Андрей руководил средней субподрядной фирмой. Двести человек в сезон. Он строил то, на чём Россия действительно держится, — не трубопроводы и не дворцы, а ремонт школы, котельную, бетонную коробку районного супермаркета. Он подписал акт выполненных работ — форму под названием КС-2 — на работы, которые были закончены не полностью: потому что заказчик попросил, потому что так делают все, и потому что иначе денег до Нового года было не увидеть. Вы ещё встретитесь с этой бумагой в третьей главе. Это самый опасный документ российской стройки, и на ощупь её знает каждый, кто в этой отрасли работал. К следующей осени Андрей успел побыть свидетелем, потом подозреваемым, потом обвиняемым. Он узнал, как выглядят его собственные слова после того, как машинистка следователя переведёт их на протокольный язык. Он узнал, чем отличаются три ценовых яруса российских адвокатов — и для чего на самом деле нужен бесплатный. Он узнал, что человек, решающий его судьбу, ни разу не пока-

жет ему лица — я говорю буквально и объясню позже. И он узнал, какая статья Уголовного кодекса покрывает его ситуацию: статья 159. Мошенничество. Резиновая статья. Та, что растягивается почти на любого предпринимателя в стране, — поэтому каждый предприниматель в стране знает её номер как знают телефон экстренных служб — не заглядывая в справочник. Эта книга — о том, как это происходит: механически, шаг за шагом, подпись за подписью. Не Россия олигархов и отравленных диссидентов — та полка забита. Это первый этаж: каково на самом деле управлять обычной компанией в сегодняшней России, если смотреть из-за директорского стола, — рассказано через истории людей, которых я видел внутри машины. Ловушка, встроенная в акт выполненных работ; аванс, который становится «хищением» в день, когда заказчик передумал; обыск на рассвете; протокол допроса; изолятор как инструмент переговоров — и странные тихие выходы: сделка, приговор, билет в один конец. Я превратил этот мир в видеоигру — триллер про допрос, где ты сидишь на том самом стуле и пытаешься продержаться десять дней до суда. Меня спрашивали, сколько в игре выдумано. Эта книга — ответ. Почти ничего. Значит, завтра к десяти. Паспорт возьмите.

ГЛАВА 1 · ЛЕСТНИЦА

В этой истории не будет зачитанных прав, как в американском кино. Отложите это ожидание сразу — оно будет только мешать. В российской системе твоё отношение к уголовному делу — это статус, и статус тебе присваивают письменно, следовательно, в момент, который выбирает он. На лестнице три ступени. Свидетель — ты всего лишь помогаешь следствию. Подозреваемый — следствие начало быть о тебе. Обвиняемый — подписанный документ теперь утверждает, что ты совершил преступление, и машина повезла тебя в сторону зала суда. У каждой ступени свои права, свои бумаги, своя температура в кабинете. Гениальность лестницы — я говорю без иронии, как механизм она действительно элегантна — в том, что поднимаешься ты по ней спиной вперёд. Смену ступени ты почти никогда не видишь. Тебя ставят в известность задним числом.

До звонка

Прежде чем Андрей войдёт в кабинет, одно уточнение, без которого лестница кажется короче, чем она есть. Звонок из пролога — не начало. К тому вторнику машина работала уже месяца три, просто с Андреем она ещё не разговаривала. Разговаривала с его банком: запрос о движении по счетам уходит туда раньше любой повестки, банк отвечает и не обязан ставить клиента в известность. С казначейством и заказчиком — запросили акты, платёжки, переписку. С прорабом — его «опросили»: не допросили, а именно опросили, без статуса, без адвоката, без предупреждения об ответственности; бумага называется «объяснение», и в деле она потом лежит рядом с протоколами, как будто между ними нет разницы. Всё это — доследственная проверка: по кодексу три дня, десять, максимум тридцать, но у этого срока есть вечный двигатель — отказ в возбуждении дела, который прокурор отменяет, и проверка начинается заново. Так материал живёт месяцами, не будучи делом, и человек, о котором он собран, не является в нём никем.

Делает это не следователь. Делает оперативник — экономическая безопасность полиции, ОЭБиПК; на бюджетных объектах рядом нередко стоит второе ведомство, которое «оперативно сопровождает». Следователь получает уже папку: выписка, объяснения, расчёт «ущерба» на коленке —

и звонит, когда решает, что папке пора обзавестись голосом. Мошенничество по общему правилу расследует полиция; Соколов сидел в Следственном комитете потому, что к папке Андрея скрепкой была пристёгнута другая — на чиновника заказчика, у которого своя статья, и дело поехало по старшему из составов. Это частая связка на бюджетной стройке: подрядчик попадает в СК не сам, а как приложение к должностному лицу.

Практический смысл этих абзацев прост и неприятен: к моменту, когда тебя «просто приглашают побеседовать», твоя банковская выписка и объяснения твоих людей уже прочитаны. Беседа нужна не для сбора информации. Она нужна, чтобы к собранному прибавился твой голос — в нужной тональности.

Кабинет

Андрей пришёл к десяти, как приглашали, в хорошем пиджаке. Его логика была логикой любого новичка: я свидетель, свидетелям бояться нечего, с теми, кто сотрудничает, обращаются хорошо. Жене сказал, что вернётся к обеду. Подумал, не позвонить ли юристу компании — толковой женщине, которая вела договоры и арбитраж, — и решил не звонить. Будет выглядеть нервно. Виноватые приходят с адвокатами. А он свидетель. Поймите, что такое свидетель в этой системе, потому что это совсем не то, что представляет себе человек, ни разу не ходивший по повестке. Российский свидетель обязан явиться — откажешься, и тебя можно доставить принудительно. Свидетель обязан отвечать — и его письменно предупреждают об уголовной ответственности за ложные показания. Свидетелю, мягко объяснит следователь, не нужен адвокат: «вас же ни в чём не обвиняют, Андрей Николаевич, это просто беседа». Чего следователь не объяснит — что закон разрешает свидетелю прийти с адвокатом и что статья 51 Конституции — право не свидетельствовать против себя и своих близких — принадлежит свидетелю тоже. Весь дебют машины построен на этой асимметрии: обязанности свидетелю объявляют; права он должен знать заранее сам. Андрей не знал. Большинство не знает. В этом и смысл приглашать человека свидетелем — смысл

тёплого, почти скучающего тона, ничего серьёзного, паспорт возьмите. Подозреваемому положено зачитать права — поэтому подозреваемого не приглашают. Приглашают свидетеля. И дают ему говорить. Кабинет был маленький и казённый: стол, два стула, сейф, окно с пыльными жалюзи, портрет президента. Следовательно — пусть будет Соколов — оказался моложе, чем Андрей ожидал, лет тридцати пяти, в свитере, в очках без оправы. Предложил чай. Эта деталь важнее, чем ей положено быть: почти каждый, кто через это прошёл, помнит чай — помнит, как решал, значит ли что-нибудь согласие: расслабленность, вину, неуважение. Комнаты системы настолько вычищены от информации, что мозг кормится крошками. Андрей чай взял. А потом, следующие четыре часа, спокойно и кружным путём, себя похоронил. Не признанием — признаваться, как он считал, было не в чем. Он просто отвечал на вопросы: полно, охотно, как отвечает грамотный директор аудиту, которого хочет спровадить к пятнице. Да, это его подпись на договоре. Да, КС-2 он подписал в декабре. Да, на момент подписания часть отделочных работ оставалась — так делает вся отрасль, закрываешь бумаги года и доделываешь весной, заказчик сам просил. Да, аванс израсходован — на материалы, на зарплату, куда ещё уходят деньги на стройке? Он объяснял Соколову движение денег, как студенту, с определённым удовольствием от собственной беглости. Соколов печатал, кивал, задавал следующий маленький вопрос. Принтер в углу стрекотал своей рва-

ной, аритмичной очередью — несколько человек, независимо друг от друга, говорили мне, что по ночам к ним возвращается именно звук этого принтера. Длинные паузы, пока Соколов читал с экрана. Андрей заполнял паузы. Новички всегда заполняют паузы. Молчать кажется невежливым. Позже, в игре, я построил целую механику вокруг этого зуда — пауза после твоего ответа, мигающий курсор, почти физическая чесотка добавить что-нибудь. Игроки на это ловятся. Директора тоже. Около двух Соколов распечатал протокол беседы и развернул к нему. И здесь Андрей встретился со вторым механизмом этой главы — с переводом. Протокол допроса — это не стенограмма. Твоих настоящих слов никто не записывает. Следователь слушает твою живую речь — с её оговорками, контекстами, отраслевым жаргоном — и перепечатывает её на бюрократическое наречие, на котором читают суды. Интонация исчезает; оговорки мигрируют; последовательность уплотняется. «Заказчик просил закрыть акты декабрём, это обычная практика, оставались мелкие недоделки, доделали в апреле» превращается на протокольном языке во что-то вроде: «Я подписал акты выполненных работ КС-2, зная, что перечисленные в них работы в полном объёме не выполнены». Перечитайте оба предложения. Второе не врёт о первом. Каждый факт второго технически присутствует в том, что сказал Андрей. Это та же музыка, транспонированная в уголовную тональность. А внизу каждой страницы — строчка мелким шрифтом: «С моих слов записано

верно, мною прочитано» — и место для подписи. Андрей читал протокол так, как люди читают пользовательское соглашение: по диагонали, уставший, на четвёртом часу, желающий обедать, убаюканный узнаваемостью собственной истории. Заметил пару формулировок, которые звучали «не так», взвесил неловкость просьбы к государственному человеку перепечатать страницу против малости расхождения — и подписал. Шесть подписей, по одной на страницу. Соколов тепло поблагодарил за сотрудничество и сказал, что он свободен. К четырём Андрей был дома. Сказал жене — всё нормально. И это правда ощущалось нормально: вот во что мне больше всего нужно, чтобы вы поверили. Ощущение — как будто заполнил бланк на медленной почте. А в картонной папке в казённом здании теперь существовало подписанное заявление самого директора о том, что он заверил невыполненные работы и потратил деньги. Его собственными словами — в системной версии его собственных слов, скреплённой его подписью, что в российском суде одно и то же.

Дальше лестница работала сама, по своему расписанию. Через шесть недель заказное письмо сообщило Андрею, что возбуждено уголовное дело по факту возможного мошенничества на объекте — не против него, подчёркивало письмо; дела возбуждают по факту — тонкая грамматическая форма, которая до поры оставляет всем прежние статусы. Соколов позвонил ещё дважды, дружелюбный как всегда: уточнения, снова свидетелем, снова чай. А потом, в марте, в конце

обычной встречи, без всякой перемены погоды в кабинете, Соколов передвинул через стол другую бумагу и попросил расписаться в получении. Уведомление об изменении статуса. Подозреваемый. Теперь у него было право на защитника, право отказаться от показаний по 51-й — права прибыли ровно на одну папку позже, чем нужно: лестница спроектирована так, чтобы они прибывали именно тогда. Допросы, которые он дал услужливым свидетелем, остались в деле. Они и были делом. Здесь я хочу быть аккуратным, потому что слушатель этой истории обычно тянется к утешительно-му объяснению: ловушка была персональной, Соколов куплен, кто-то заплатил. Иногда кто-то платит — мы дойдём до заказных дел, они существуют и имеют рыночный прайс. Но ничто в первом годе Андрея не требовало злодея. Соколов не был садистом; он не был даже невежлив. Он был человеком с палочной отчётностью, перерабатывающим материал, который обычные практики отрасли поставляют ему оптом. КС-2, подписанный на сезон раньше; аванс, растворившийся в armатуре и зарплате, — третья и четвёртая главы покажут вам, как именно эти два будничных факта, верных для половины подрядчиков страны в любой день года, собираются в состав преступления. Вот что делает лестницу страшной и что заставляет её работать: ей не нужно, чтобы ты был виновен. Ей достаточно, чтобы ты был обычным. И ещё одно, прежде чем спуститься. Через несколько месяцев, уже глубоко внутри дела, жена спросила Андрея, как выглядит

следователь. Он не смог ответить. К тому времени он провёл в том кабинете, наверное, часов тридцать, а извлечь смог вот что: очки без оправы, ловящие свет из окна; ручка-кнопка, щёлкающая очередями по три; особенный звук чая, отхлёбываемого поджатыми губами над чтением. Под таким стрессом память сохраняет детали и стирает лицо. Каждый, кого я расспрашивал для этой книги, сказал какую-то версию того же самого. Когда я делал игру, я ни разу не показываю лицо следователя — игроки думают, что это художественный жест. Это документальный реализм. Статус — подзреваемый. Статья, когда она наконец появилась в бумагах, оказалась той, которой все и ждали, — номер, который в отрасли произносят так же буднично, как марку бетона. Статья 159. Резиновая статья. Она заслуживает отдельной главы — и следующая глава о ней.

Из практики · Свидетель, который пришёл без адвоката

Практикующие защитники по экономическим делам в один голос описывают один и тот же типовой вход: человека вызывают «просто поговорить» в статусе свидетеля, он приходит без адвоката — «мне же нечего скрывать», — и первые, самые важные показания даёт, не понимая, что они лягут в основу дела против него самого. Юридические публикации прямо предупреждают: промедление с привлечением защитника на стадии доследственной проверки лишает возможности выстроить позицию, потому что следствие формирует доказательственную базу быстро, а данные «по-свидетельски» слова потом переиграть почти нельзя.

Это ровно механизм лестницы из этой главы, описанный уже не художественно, а языком юридической практики: права у свидетеля есть, но объявляют ему только обязанности.

На практике

- Защитник нужен до первой «беседы», а не после предъявления: статус «свидетель» — самый опасный, потому что кажется безопасным.
- Статья 51 Конституции принадлежит и свидетелю. Фраза «на основании статьи 51 отвечать не буду» — законный ответ, а не признание.
- Протокол читать построчно и требовать исправлений — это право, а не дерзость. Неточная формулировка сегодня — эпизод завтра.
- Паузу после вашего ответа заполнять не нужно. «Хотите добавить?» — «Нет».

ГЛАВА 2 · СТАТЬЯ 159: РЕЗИНОВАЯ СТАТЬЯ

У каждого, кто работает в стройке, в голове живут числа, которые не надо вспоминать: марка бетона, снеговая нагрузка, процент генподряда. И одно число из Уголовного кодекса. Его знают наизусть люди, никогда не открывавшие кодекс, — и это само по себе диагноз. В любой правовой системе есть растяжимые составы; вопрос лишь в том, обо что растяжение останавливается. Там, где есть состязательный суд и присяжные, резина упирается в них. Там, где суд оправдывает меньше одного процента, она не упирается ни во что. Сам текст статьи 159 уместается в одну строку и выглядит безобидно: мошенничество — это «хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием». Прочтите и забудьте; работает не определение. Работает одно слово, которого в определении даже нет, — умысел. Чтобы неисполненный договор стал преступлением, а не арбитражным спором, следствию нужно установить, что ты не собирался исполнять его уже в тот момент, когда брал деньги. Не «не смог». Не «не справился». А именно — заранее знал и планировал не сделать. Звучит как высокая планка. Как, скажите, заглянуть человеку в голову на два года назад?

А вот как: не заглядывать. Умысел не находят — его ре-

конструируют, задним числом, из самых обычных движений живого бизнеса, прочитанных в обратном направлении. Не достроил? Это не кассовый разрыв — это «не собирался достраивать». Потратил аванс не строго по смете, заткнул дыру на другом объекте? Это не оборотка, это «изъял и распорядился по своему усмотрению». Нанял субподрядчика, который потом слился? Это не неудачный выбор контрагента — это «создал видимость исполнения». Перевёл деньги фирме с признаками однодневки? Ну вот и «вывод похищенного». Каждый шаг, который в живом бизнесе означает «крутился как мог», при чтении назад превращается в улику намерения. Бизнес-неудача и мошенничество состоят из одних и тех же фактов. Различается только направление чтения. Вот почему предприниматели зовут её резиновой. И вот почему в этой стране номер статьи знают наизусть даже те, кто никогда не открывал Уголовный кодекс. Теперь — биография. У статьи 159 была младшая сестра, и её короткая жизнь объясняет про эту систему больше, чем любой учебник. В конце 2012 года, на излёте медведевской «гуманизации», в кодексе появилась статья 159.4 — «мошенничество в сфере предпринимательской деятельности». Идея была здоровой до очевидности: конфликт двух фирм вокруг договора — не то же самое, что цыганский гипноз у банкомата. Санкции мягче, пороги ущерба выше, под стражу не брать. Бизнес выдохнул. Предпринимательские дела поехали по отдельному, человеческому коридору. Прожил этот коридор два года. В

декабре 2014-го Конституционный суд признал статью 159.4 неконституционной — и вслушайтесь, за что: за мягкость. За то, что предприниматель, обманувший на особо крупную сумму, сидит меньше, чем обычный гражданин за то же самое, — нарушение принципа равенства. Законодателю дали полгода на исправление. Законодатель не успел — и летом 2016-го статья тихо умерла. Некрологов не было. Но совсем она не исчезла. Её призрак вселили обратно в тело общей 159 — частями 5, 6 и 7: «мошенничество, сопряжённое с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности», где обе стороны — предприниматели или коммерческие организации. Пороги ущерба там выше в разы — «особо крупный» по общей части начинается с миллиона рублей, по предпринимательским частям после индексации 2024 года с восемнадцати миллионов, — санкции ниже, и — главное — по «предпринимательским» частям закон прямо запрещает заключение под стражу до суда. На бумаге. Слово «на бумаге» здесь несёт всю нагрузку, и сейчас вы поймёте почему. Одна и та же папка фактов — договор, аванс, недострой — может жить двумя разными жизнями. Часть четвёртая статьи 159: обычное мошенничество в особо крупном размере, до десяти лет, СИЗО — пожалуйста. Части пятая—седьмая: предпринимательское, санкции заметно мягче, в изолятор нельзя, сиди дома под запретом определённых действий и воюй. Между этими двумя жизнями — не факты. Между ними — квали-

фикация: строчка в постановлении, которую пишет следователь. И у следователя есть целый набор отмычек, чтобы вытащить дело из предпринимательского коридора в общий. «Умысел возник до заключения договора — значит, договор был лишь прикрытием, а где прикрытие, там нет предпринимательской деятельности». «Фирма изначально не имела ресурсов исполнить контракт — значит, это не фирма, а инструмент хищения». «Потерпевший — бюджетное учреждение, а не коммерческая организация, значит, спор не между предпринимателями». Каждая формула — по-своему логичная, каждая опирается на слова самого же директора из протокола (помните перевод из первой главы?), и каждая решает один практический вопрос: будет ли у следствия главный рычаг — камера. Андрею вменили часть четвёртую. Разумеется, четвёртую — это стандартный дебют: «умысел возник до подписания контракта, юридическое лицо использовалось как прикрытие». Его адвокат потом полгода бился за переквалификацию на пятую — и когда добился, это праздновалось как победа. Вдумайтесь в само устройство этой победы: человек полгода и несколько миллионов рублей потратил не на доказательство невиновности — до этого вопроса ещё даже не дошли, — а на то, чтобы его правильно обвинили. В этой системе так выглядит хорошая новость. В игре, которую я сделал, квалификация дрейфует между четвёркой и пятой—седьмой в зависимости от состояния следователя — от того, спокоен он или закипает. Игроки читают

это как игровую условность, художественное преувеличение. Мне жаль их разочаровывать: это самая документальная механика в игре. Спросите любого защитника по экономическим делам, от чего на практике зависит квалификация, — и, если он будет с вами честен, слово «настроение» прозвучит раньше, чем слово «закон». О масштабе. Точную статистику «дел против бизнеса» в России не ведёт никто — государственная отчётность считает «преступления экономической направленности», а это другая корзина. Но есть косвенные датчики. Приёмная бизнес-омбудсмена: около двух тысяч обращений предпринимателей об уголовном преследовании в 2015 году — и больше десяти тысяч к 2020-му, из них больше половины — именно мошенничество. Опросы силовиков и адвокатов сходятся в другом неудобном числе: значительная часть «предпринимательских» дел до суда не доходит вовсе — они закрываются после того, как спорный долг внезапно оказывается выплачен, доля в бизнесе переписана, объект передан. Дело, которое умерло, добившись денег, — это не осечка машины. Для многих участников это и был продукт. И последний штрих к биографии — совсем свежий. В июне 2026 года Конституционный суд снова высказался о границе между предпринимательским неисполнением и хищением: статья 159 признана неконституционной в той мере, в какой она позволяла не применять «предпринимательские» части только потому, что потерпевшая коммерческая организация учреждена государством, регионом

или муниципалитетом, — по жалобе сахалинского подрядчика, которому «четвёрку» в итоге переписали на «пятёрку». Заметьте границу самой границы: речь о коммерческих организациях с государственным участием, а не о бюджетных учреждениях. Школа Андрея под это решение не попадает. Не спешите радоваться слову «граница»: за четырнадцать лет, что я наблюдаю эту статью, каждое уточнение её границ объявлялось защитой бизнеса — и каждая машина переваривала, не сбавляя хода. Резина замечательна тем, что любую новую линию на ней можно просто перерастянуть. Резиновая статья — это ответ на вопрос «по какому закону». Но уголовное дело начинается не с закона. Оно начинается с крючка — с конкретной бумаги, за которую можно зацепить всю конструкцию. В российской стройке этот крючок в девяти случаях из десяти один и тот же: лист формата А4 с таблицей, подписью и печатью. Называется — КС-2. О нём — следующая глава.

Из практики · Десять тысяч жалоб и одна буква закона

Масштаб виден по цифрам аппарата бизнес-омбудсмeнa: если в 2013 году поступило около 1,4 тысячи жалоб предпринимателей на необоснованное уголовное преследование, то к 2020-му их стало больше десяти тысяч. До суда, по оценкам того же аппарата, доходит лишь порядка пятнадцати процентов возбуждённых дел — остальные закрываются или «зависают», что косвенно и подтверждает тезис главы: для многих дело служит рычагом, а не поиском истины. Основную массу составляют именно «резиновые» составы мошенничества.

И точная буква, от которой зависит свобода: по действующей редакции (примечания к статье 159 в редакции федерального закона от 6 апреля 2024 года) предпринимательскими являются части 5–7 — по ним заключение под стражу прямо ограничено частью 1.1 статьи 108 УПК. По части 4 арест возможен. Вот почему спор «часть 4 против частей 5–7» — это спор о камере, а не только о сроке.

На практике

- С первого постановления следите за квалификацией: «часть 4» против «частей 5–7» — это вопрос СИЗО и срока, и он решается в начале, а не в конце.
- Каждое ваше слово в протоколе работает либо на «умысел», либо против него. «Планировали исполнить» и «рассчитывали закрыть» — разные показания.
- Переквалификация — законная цель защиты с первого дня; требуйте от адвоката позиции по ней письменно.

ГЛАВА 3 · ЛОВУШКА КС-2

Самый опасный документ российской стройки выглядит так: таблица на листе А4. Слева — номера по порядку, дальше — наименования работ («устройство стяжки», «монтаж витражей», «благоустройство территории»), единицы измерения, объёмы, цена. Внизу две подписи — сдал, принял — и две печати. Называется «Акт о приёмке выполненных работ», форма КС-2. К нему прилагается младший брат, КС-3, — справка о стоимости, по которой пойдут деньги. Формально она давно необязательна, но вся отрасль, банки и казначейство продолжают жить по ней, потому что так живёт заказчик. Точного аналога этой бумаге нет ни в одной соседней отрасли. Честнее всего сказать так: КС-2 — это чисто-сердечное признание, которое ты подписываешь заранее и сдаёшь на хранение другой стороне. Чтобы вы поняли, как эта бумага стреляет, надо объяснить, почему её подписывают «наперёд» — на работы, которые ещё не сделаны. Не потому, что все жулики. А потому, что так устроен календарь денег. Начнём с заказчика — особенно бюджетного. У бюджетных денег в России есть свойство, которого нет у обычных: они сгорают. Лимиты этого года должны быть «освоены» до 31 декабря; не потратил — деньги ушли обратно, а тебе на следующий год срезали план и задали вопросы, почему не справился. Формула «не освоил — потерял» пере-

даёт механику, но не передаёт страха. Поэтому в ноябре в кабинете заказчика происходит один и тот же разговор, который я слышал десятки раз, с обеих сторон стола: «Андрей Николаевич, надо закрыться годом. Полным объёмом. Доделаете весной, все всё понимают». Это не предложение взятки. Это не заговор. Это заказчик спасает свой собственный бюджет следующего года — и просит подрядчика подставить подпись под спасение. Теперь подрядчик. У него зима. Бетон при минус двадцати не льют — точнее, льют, но с прогревом, и это дороже втрое. Часть работ физически уместна только в апреле. При этом зарплату двумстам людям надо платить в январе, поставщикам — по графику, а деньги приходят только по закрытым формам: нет КС-2 — нет КС-3 — нет платежа. Отказаться закрывать декабрём — значит, остаться без денег до весны, испортить отношения с заказчиком, который кормит тебя следующими контрактами, и прослыть человеком, «с которым тяжело работать». В отрасли, где все всех знают, последнее — приговор медленного действия. И вот декабрь, и Андрей подписывает. Шесть актов, общим объёмом — процентов на пятнадцать больше фактически сделанного: недоделки по благоустройству (под снегом), часть отделки, витражи, которые придут в феврале. Все участники сцены понимают всё одинаково. Заказчик получает освоенный бюджет, подрядчик — оплату, объект — реальное завершение в апреле. В апреле всё и правда доделали. Я хочу это подчеркнуть, потому что дальше эта деталь

станет почти невыносимой: работы были выполнены. С опозданием на четыре месяца против бумаги — выполнены полностью. А теперь смотрите, как заряжается капкан. С точки зрения уголовного дела, которое случится через полтора года, в декабре произошло следующее: генеральный директор лично подписал официальный документ, содержащий заведомо ложные сведения об объёмах выполненных работ, и на основании этого документа получил бюджетные деньги. Точка. Это готовая объективная сторона мошенничества: обман — вот он, на бумаге, с датой и подписью. Не нужно ни свидетелей, ни оперативной работы, ни признаний. Вся доказательная база сложена самим обвиняемым в аккуратную стопку и заверена его же печатью. Дальше — вопрос техники, и техника называется «строительно-техническая экспертиза». Через четырнадцать месяцев после декабрьской подписи на объект приходит эксперт с рулеткой и сметой. Его вопрос звучит нейтрально: соответствуют ли фактически выполненные объёмы актам? Но мерить он будет не апрель, когда всё доделали, — мерить он будет декабрь, дату на акте. Как измерить прошлое? По исполнительной документации, по журналам работ, по датам поставки витражей (накладная от 11 февраля — спасибо, приобщаем), по фотографиям со спутника, если повезёт. Апрельская доделка не спасает — она вредит. В логике следствия работы, выполненные после того, как заказчиком заинтересовалась проверка, — это не исполнение обязательств. Это «действия, направленные на

сокрытие следов преступления». Я не придумал эту формулировку. Я читал её в постановлении. Замечаете, что произошло? Та же операция, что с протоколом допроса в первой главе, — транспонирование. Ни один факт не изменён. «Закрылись декабрём, доделали весной, заказчик сам просил» — и «представил заведомо ложные сведения, похитил бюджетные средства, предпринял меры к сокрытию». Одна и та же мелодия. Разные тональности. Выбор тональности, как мы выяснили в прошлой главе, принадлежит не тебе. Остаётся вопрос, который задаёт каждый, кто слышит эту историю впервые: а заказчик? Тот, который просил, уговаривал, чей интерес обслуживала вся операция? С заказчиком происходит поразительная метаморфоза: в деле он появляется в роли потерпевшего. Его декабрьская просьба нигде не записана — просьбы такого рода не оставляют следов, в этом их конструктивная особенность. Его подпись на акте объясняется просто: «был введён в заблуждение подрядчиком, доверял представленным сведениям». Тот самый человек, что в ноябре говорил «все всё понимают», теперь даёт показания, что ничего не понимал. Иногда — потому что его самого держат за горло той же проверкой и потерпевший — единственная роль, в которой он не обвиняемый. Иногда — потому что у него новое начальство, и старые договорённости умерли вместе с карьерой прежнего. А иногда просто потому, что так короче. Об этом превращении — партнёр, ставший заявителем, — у нас будет отдельная глава, седьмая. Пока за-

помните сам феномен: в паре, где двое нарушали правила по взаимному согласию, потерпевшим становится тот, кто первым добежал до следователя. Игра, ради которой написана эта книга, начинается ровно с этой бумаги: заказчик подписал у героя КС-2 на невыполненные работы — а дальше десять дней до суда. Когда игроки спрашивают меня, почему завязка такая «мелкая» — какая-то таблица, какие-то акты, где драма? — я понимаю, что объяснять надо было отсюда, с этой главы. Драма в том, что таблица и есть дело. В девяти случаях из десяти уголовное дело против строителя стоит на листе А4 с его собственной подписью. Но подпись — только половина капкана. Вторая половина — деньги, которые по этой подписи пришли. Точнее — деньги, которые пришли ещё раньше, до всяких актов, и которые ты уже потратил. Аванс. Следующая глава — про него.

Из практики · «Чугун тот же, ГОСТ поменялся»

По отраслевым каналам ходит история: на федеральной стройке подрядчик поставил чугунные ограждения строго по факту, а через три года выяснилось, что номер ГОСТа в контракте к моменту проверки успел смениться — материал тот же, стандарт за это время переиздали. Следствию, как пересказывают, хватило логики «указан другой ГОСТ — значит, поставлено не то — значит, хищение»; итог называют как девять месяцев в СИЗО и обвинительный приговор.

Саму историю я привожу как иллюстрацию механизма, а не как установленный судебный факт — она расходится без ссылки на конкретное дело. Но механизм за ней подтверждён и важнее анекдота. В практике по таким делам ущербом нередко считают всю сумму контракта, а не разницу в цене, — и формальное расхождение способно превратить весь контракт в размер хищения. И, как отмечают юристы, даже сертификаты качества от производителя и полная оплата поставщику не ограждают от возбуждения дела. Формальное соответствие бумаг важнее физической реальности объекта — тезис этой главы целиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.